

Становление парламентаризма в контексте критики его природы

DOI 10.22394/1726-1139-2017-8-21-28

Заикин Андрей Анатольевич

Советник Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга
Аспирант Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС
Sptk2011@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье обсуждаются основы парламентаризма в контексте критики его принципов. Парламент представляет собой историческое явление, рожденное из духа дискуссии и публичности. Его возникновение не связано с демократией. Парламент является местом столкновения властных группировок для выяснения позиций, не поддающихся решениям государственного закона. Становясь важнейшим институтом государства, парламент еще не обладает достаточной легитимностью. Общественный договор с народом придает требуемую легитимность парламенту, посредством его связи с естественным правом. Соединение демократии с парламентаризмом носит противоречивый характер. Настоящие атрибуты дискуссии уходят в прошлое, а ее место занимают пропаганда и калькуляция интересов, с точки зрения К. Шмитта. С другой стороны, дух парламентаризма преобразует правосознание и политическую культуру общества, в основе которых опять обнаруживается неразрывная связь с публичностью и дискуссией. Критика парламентаризма вскрывает его более глубокие основы, доказываемая, что природа политической реальности предполагает политическую репрезентацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

парламент, критика парламентаризма, либерализм, демократия, дискуссия, публичность, политическая репрезентация, политическая борьба

Zaikin A. A.

Formation of Parliamentarism in the Context of Criticism of His Nature

Zaikin Andrey Anatolyevich

Advisor to the President of the St. Petersburg Legislative Assembly
Graduate student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Sptk2011@yandex.ru

ABSTRACT

In the article parliamentarism bases in the context of criticism of his principles are discussed. The parliament represents the historical phenomenon, which is given rise from spirit of a discussion and publicity. His emergence is not connected with democracy. The parliament is a point of impact of power groups for clarification of the positions, which are not giving in to decisions of the state law. Becoming the most important institute of the state, the parliament has no sufficient legitimacy yet. The public contract with the people gives the required legitimacy to parliament, by means of his communication with the natural law. Connection of democracy with parliamentarism has contradictory character. The true attributes of a discussion consign to the past, and her place is taken by promotion and accounting of interests, from the point of view of K. Schmitt. On the other hand, the spirit of parliamentarism will transform sense of justice and the political culture of society at the heart of which indissoluble communication with publicity and a discussion is found again. The criticism of parliamentarism opens its deeper bases and is proved that the nature of political reality assumes political representation.

KEYWORDS

parliament, criticism of parliamentarism, liberalism, democracy, debate, publicity, political representation, the political battle

В современной политической практике государств парламент представляет собой одну из ветвей власти. Его деятельность основывается на определенных традициях и рациональной организации власти в обществе. Несмотря на это, не только в обществе, но и в сообществе обществоведов отсутствует единая точка зрения на основы парламентаризма. В научной литературе известны как сторонники, так и противники парламентаризма. Парламент может рассматриваться как институт политической системы, уже утративший свою действительную необходимость. С другой стороны — как идеал, еще требующий своего действительного воплощения. Несмотря на триумфальное шествие парламентаризма с начала XX в., критика идей парламентаризма в Европе имеет давнюю традицию. Так, своеобразное возвращение идей К. Шмитта не только в Европу, но и в Россию, связанное с изданием его наследия и заинтересованной реакцией общественности, заставляет обратиться к основаниям феномена парламентаризма.

Обращение к творчеству политического мыслителя К. Шмитта позволяет приоткрыть противоречивую природу парламентаризма, проявившуюся в его генезисе. В своей работе «Духовно-историческое состояние современного парламентаризма» [6, с. 6–16.] К. Шмитт выходит за рамки очевидного. Он утверждает, что демократия и парламентаризм не имеют ни логической связи, ни исторического родства. Для сознания российского обывателя парламент сегодня неразрывно связан с демократией, так же как Советская власть — с коммунистической партией. Тем не менее предмет статьи не связан с какого-либо рода просветительскими задачами, а нацелен на освещение реальных противоречий исторического характера. Парламентаризм как духовное явление, безусловно, имеет исторический характер и время может радикально преобразовать его содержание. Изначальное содержание парламентаризма обусловлено его этимологией и выражается в дискуссии и публичности. Несколько веков подряд дух дискуссии утверждал деятельность парламента как его предназначение и содержание. Если современность, утверждает К. Шмитт, хочет отбросить эти принципы, то что может оправдать подлинность парламента?

Парламент — историческое явление, возникшее благодаря ряду преобразований в общественной жизни на протяжении нескольких веков. История парламента является одним из величайших аргументов его консервативных защитников против его современных бессмысленных апологетов. Первая трансмутация хаотичных противостояний, приведшая к зарождению парламентаризма, относится к соединению в одном государственном органе идей и механизмов представительства и законодательства, существовавших в разных измерениях.

Родиной парламентаризма принято считать Англию, хотя ее первенство оспаривает Исландия¹. Политическое противостояние между королем, аристократией и городскими общинами в средневековой Англии привело к ряду компромиссов, выразившихся в принятии Великой хартии вольностей в 1215 г. Гражданская война времен правления Генриха III (1258–1267 гг.) привела к созыву в 1265 г. собрания из двух представителей рыцарства от каждого из 37 графств и двух представителей от городских общин. Уже через два года король перехватывает инициативу и сам созывает представительное собрание. В 1295 г. созыв «Образцового парламента» открывает эпоху регулярно действующего парламента. В XIV в. появляется должность спикера, а парламент становится двухпалатным. Политическая система Англии обретает устойчивую структуру: Король — парламент — народ. Вопрос о налогах в пользу королевской казны переходит под контроль парламента. Это еще не полномочный парламент, но уже политический игрок на поле государственного строительства. Сильная армия, необходимая королю, невозможна без поддержки военного сословия и финансовой поддержки городских коммун.

¹ В 930 г. в Исландии — на территории датской колонии — впервые собрался Альтинг.

Король и парламент, будучи центрами власти, не раз в истории Англии пытались избавиться от конкурента и оппонента, пока не убедились в системной необходимости друг друга. Наиболее драматичным становится период Английской революции XVII в. К 1640 г. правление короля Карла I омрачалось существенными противоречиями. Религиозные разногласия внутри англиканской церкви отягощались противоречиями с протестантами Шотландии. Усмирение подданных требовало увеличения казны, которое было невозможно без согласия парламента. Карл меняет руководство церкви, надолго распускает парламент и вводит новый корабельный налог на богатые города, надеясь разрешить ситуацию одним ударом. Восстание в Шотландии вынуждает его созвать парламент, который неожиданно призывает короля к миру. Вторичная попытка созвать парламент и получить согласие на увеличение налогов приводит к ситуации «Долгого парламента», просуществовавшего с 1640 по 1660 гг. С 1642 г. парламент обзаводится собственной армией и в гражданской войне против короля одерживает победу. С 1649 г. Англия провозглашается республикой под руководством главнокомандующего Оливера Кромвеля. В осуществлении власти Кромвелю уже не нужен парламент, и в 1653 г. он объявляет себя лордом-протектором. После смерти Кромвеля в 1658 г. начинается новый виток анархии, который завершается в 1660 г. воцарением Карла II с согласия парламента. Ограничения финансирования королевской казны привело к новому противостоянию короля и парламента, сопровождавшемуся образованием партий. Банкиры образуют партию вигов во главе с графом Шефтсбери. Королевскую партию тори возглавил лорд Денби, известный как маркиз Кармартен. В 1681 г. Карл распускает оппозиционный парламент и добивается единоличной власти, опираясь на финансовую поддержку Франции. Неожиданная смерть Карла II в 1685 г. привела на престол его брата Якова II, который при первом же столкновении на почве попытки восстановления католичества в Англии избавился от вновь созданного лоялистского парламента. Аристократия партий вигов и тори вынуждена была совместно пойти на новый переворот. Приглашение на вторжение и на трон голландского принца Вильгельма Оранского приводит к поражению абсолютной монархии Якова II. В 1689 г. парламент принимает Билль о правах, поставивший закон выше власти и прекративший противостояние короля и парламента.

С точки зрения Дж. Локка, абсолютная монархия не является в полном смысле государством. «Отсюда очевидно, что абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления... В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, эти лица все еще находятся в естественном состоянии. И в таком состоянии находится каждый абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен» [3, с. 312–313]. Далее, Монтескье изобретает разделение властей в современном варианте, которое связывает парламент с одной из ветвей власти. «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга» [4, с. 289]. В XX в. парламент превращается в постоянно действующий национальный клуб, реагирующий на потребности общества в законодательном регулировании и контроле над исполнительной властью.

Парламентская оппозиция королевской власти первых парламентов в Англии сыграла значительную роль в борьбе с ограничением абсолютной монархии. С другой стороны, замечает Ф.Р. Анкерсмит [1, с. 122], особенностью формирования и структурирования парламентов в западноевропейских государствах является то, что в XIX в. формируется идеологическое противостояние между сторонниками углубления и развития результатов Французской революции и сторонниками Ре-

ставрации. Государство становится объектом идеологической борьбы. Победивший может получить все. Представительная демократия европейского парламента становится ареной политических компромиссов. Парламент создается как элемент государственной машины, механизма, который реализует функцию разрешения разногласий между политическими партиями на основе закона. В свете этого парламент несет двойственную функцию. С одной стороны, он создает эти законы. С другой стороны, парламент является местом столкновения властных группировок для выяснения позиций, не поддающихся механистическим решениям государственного закона. Вследствие этого, значение политических партий неизмеримо возрастает.

Таким образом, можно говорить о двух типах парламентаризма, имеющих различный генезис: европейском многопартийном и англосаксонском двухпартийном.

Либеральная идеология отводит парламенту роль защитника общества от произвола государственной власти. Дискуссия об общественном благе и ее публичность обеспечивают границу произволу. «Вступая в общество, человек уполномочивает общество или, что все равно, его законодательную власть создавать для него законы, каких будет требовать общественное благо, он должен способствовать исполнению этих законов (как своим собственным установлениям). И это переносит людей из естественного состояния в государство, поскольку на земле появляется судья, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства; этим судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лицо» [3, с. 312]. По существу здесь речь не идет о демократии. Еще раз подчеркнем для современных апологетов «генетической» демократии, что ее манифестация в становлении парламентаризма является плодом методологического невежества.

Откуда же берется настойчивая необходимость соотнесения парламентаризма с демократией? Становясь важнейшим институтом государства, парламент еще не обладает достаточной легитимностью. Власть монарха имеет сакральный характер и легитимность ее соотнесена с традицией. Он является носителем и гарантом суверенитета. У парламента нет такой легитимности. Между тем от монарха власть смещается в парламентские кулуары. За спиной парламентариев стоят те силы, которые они представляют. Именно в это время появляются представления о народе как источнике суверенитета. Легитимность королевской власти десакрализируется. Одновременно народ становится сакральной ценностью.

Общественный договор с народом придает требуемую легитимность парламенту, посредством его связи с естественным правом. Естественные права присущи каждому индивиду. Либеральная идея общественного договора свободных индивидуумов легитимирует парламентскую власть и придает ей демократический характер. В действительности же проблематично связывать всеобщие интересы общества с интересами парламентского большинства. Двадцатый век продемонстрировал софистические приемы разрешения данного парадокса. Такой классик политической мысли, как Й. Шумпетер связывает между собой понятия демократии и парламентаризма. Парламентаризм предоставляет через выборы представителей самому народу решать, что является его общим благом. «Демократический метод есть такая совокупность институциональных средств принятия политических решений, с помощью которых осуществляется общее благо путем предоставления самому народу возможности решать проблемы через выборы индивидов, которые собираются для того, чтобы выполнять его волю» [7, с. 332]. Юрген Хабермас также склоняется к тому, чтобы рассматривать парламентаризм как институт демократической организации. Он утверждает, что «права человека проистекают из суверенной воли народа, а конституция, которая разделяет разные формы власти, обязана своим происхождением

просвещенной воле демократического законодателя» [5, с. 34]. Западноевропейский опыт парламентаризма основывается на острой политической и теоретической борьбе по обоснованию духовных основ парламентаризма и представляет собой незавершенный процесс. Парламентаризм связывают и противопоставляют демократии, которая также трактуется по-разному. Либеральная идеология может связываться, по своей природе, с аристократическим или элитарным принципом представления интересов в парламенте.

В XX в. наступление демократии обнаруживает противоположность демократии и парламентаризма. Идеи массовой демократии, как показывает практика, не совпадают с идеями либерального парламентаризма. Парламентаризм сегодня работает как система правления, но это еще не объясняет его необходимости. «Все специфически парламентские установления и нормы обретают смысл лишь благодаря дискуссии и публичности. Это, в частности, относится к принципу, согласно которому депутат не зависит от своих избирателей и своей партии: официально, в соответствии с Конституцией этот принцип еще признают, но практически едва ли в него еще верят; то же самое относится и к предписаниям касательно свободы слова и депутатских иммунитетов, публичности парламентских слушаний и т. д.» [6, с. 7].

Принцип публичной дискуссии объясняет все особенности парламентской деятельности. И если не верят в сам принцип, то что его может заменить? В качестве альтернативы парламентаризм способен вскрыть политический дилетантизм политических лидеров. Парламентаризм может стать механизмом отбора новых политических лидеров, хотя вряд ли можно надеяться на вызревание в парламенте политической элиты.

Политические проблемы становятся предметом коррупции для политических партий. Переговоры между партиями и группировками ведутся постоянно, но вряд ли их можно назвать дискуссиями. Дискуссия представляет собой обмен мнениями, в котором присутствует шанс рационального убеждения оппонента. Не борьба интересов и их компромисс, а борьба мнений в результате дают законы. Дискуссия предполагает особое понимание своего предмета. Должны быть общие убеждения, и парламентарии должны выступать как представители всего народа, а не своих партий.

С точки зрения К. Шмитта, настоящие атрибуты дискуссии уходят в прошлое, а ее место занимает пропаганда и калькуляция интересов, посредством которой возможно достигнуть компромисса. На первое место приходит завоевание общественного мнения, которое отражает позицию большинства. И посредством этого большинства только и возможна доминирующая позиция. Парламент утрачивает свою глубинную необходимость и выступает в качестве практико-технического средства.

Парламент неразрывно связан с либерализмом, с правлением посредством дискуссии. Демократия с парламентом не связана аналогичным образом. Демократия требует гомогенности и исключает, или уничтожает встроенную гетерогенность. В демократии существует субстанция равенства. «Начиная с XIX в. она заключается прежде всего в принадлежности к определенной нации, национальной гомогенности. Но равенство представляет политический интерес и ценность лишь постольку, поскольку у него есть субстанция, а потому по меньшей мере не исключаются возможность и риск неравенства» [6, с. 8]. Гомогенности субстанции демократии добиваются самыми разными средствами. Демократические государства выселяют целые диаспоры и устанавливают законы против иммиграции. В Британской империи свобода слова, всеобщее избирательное право не касалось трехсот миллионов жителей колоний, находящихся под протекторатом империи. Государственное право относит колонии к загранице, тогда как международное право — к империи [6, с. 11]. Демократия осуществляется в рамках ограниченного гомогенного круга и предполагает понятие чужака.

Равные политические права каждого взрослого человека, как идея, не принадлежит демократии. «В сфере политического люди противостоят один другому не абстрактно — как люди, но как политически заинтересованные и политически детерминированные, как граждане государства, правящие или управляемые, политические союзники или противники, т. е., во всяком случае, — в политических категориях» [6, с. 12].

Демократия строится на идентичности определенного круга людей. К. Шмитт упоминает Руссо, у которого общественный договор основывается на принципе равенства всех людей, но в его государстве отрицаются всякие возможные различия граждан. У них не может быть партий, особых интересов, религиозных различий, разногласий. Понятие общей воли нивелирует различия. Законы должны приниматься без дискуссий. Идеальное государство Руссо предполагает тождество управляющих и управляемых, последовательную демократию, основанную на общей воле.

Современный парламентаризм существует и соединен с массовой демократией, порождая противоречивое к себе отношение. Демократия, стремящаяся к идентичности управляющих и управляемых, сталкивается с парламентом, порождая кризис того и другого. В чем может лежать оправдание института, основывающегося на дискуссии свободных, независимых депутатов, обладающих неприкосновенностью? Кризис парламентаризма, кризис демократии, кризис государства неразрывно связаны между собой. Либеральная демократия соединяет в себе элементы, которые она вынуждена разделять и обособлять.

Соединяясь с либерализмом, демократия обретает выхоленную форму, чуждую своему существу: «народ может выразить свою волю лишь следующим образом: каждый отдельный гражданин отдает свой голос в глубочайшей тайне и совершенно изолированно, т. е. не покидая сферы приватности и безответственности, «с применением защитных приспособлений» и «при отсутствии слежки за ним», как предписывает немецкая имперская регуляция голосований (*deutsche Reichsstimmordnung*), а затем каждый отдельный голос регистрируется и высчитывается арифметическое большинство» [6, с. 15].

Народ как действительность существует в сфере публичности, он не складывается из отдельных голосов, и для укрепления духа народа требуются механизмы непосредственной демократии для укрепления духа народа. Отсюда К. Шмитт делает вывод об исчерпании парламентаризмом своего исторического потенциала.

Вместе с тем парламентаризм в современной практике обнаруживает в себе два основания: парламентаризм как часть системы реализации государственной власти; парламентаризм как система развития гражданского общества.

Первый принцип демонстрирует место парламента в системе государственной власти. Парламент может существовать при разных формах правления, но не является исключительным ядром и самостоятельным организатором особой формы правления, наряду с монархической, аристократической, демократической формами. Определяющим является разделение властей при организации власти. Из этого вытекает наличие высшего законодательного органа, наряду с другими ветвями власти. Предполагается избирательное право и принятие решений по исходу дискуссий на основе большинства голосов.

В рамках второго принципа парламентаризм формирует особенности гражданского общества, развивая правосознание членов общества, преобразуя политическую культуру на основах политического участия и активной социализации граждан. Мифологическое оправдание необходимости парламента объясняется необходимостью быстрых решений, принимаемых от лица всего народа. Правительство, в свою очередь, представляет парламент. Это объяснение вряд ли исчерпывает внутренние принципы парламентаризма. Ведь и один человек может принимать

решения, представляя народ. Тем не менее эта схема вносит и связывает парламентаризм с элементами демократии.

Парламентаризм трактуется исходя из деятельности парламента, но в то же время деятельность парламента определяется духом парламентаризма. Со стороны осуществления своего предназначения, парламент определяется качеством своих депутатов, партийной, фракционной политики и политических добродетелей. Таким образом, парламентаризм в определении его основ можно рассматривать с институциональной точки зрения, с точки зрения его деятельности, со стороны цели [2, с. 246]. С точки зрения института, парламент выступает регулятором интересов различных групп. Он является носителем минимального уровня моральных ценностей, утверждая их публичную значимость. Парламент призван контролировать основные механизмы общественного порядка и гарантировать незыблемость осуществления основных гражданских прав.

Парламент как институт репрезентирует общую волю народа, рационализирует и придает юридическую форму в форме законопроектов и законов. В качестве института парламент является индикатором доверия общества к институциональной конфигурации власти. Парламент рассматривается, согласно второму моменту, прежде всего, как деятельность, как спектр направлений деятельности депутатов, имеющих свое нравственное содержание. Платон, давший классификацию добродетелей, выделял такие, как: мудрость, мужество, умеренность, справедливость. Эти политические добродетели необходимы всему обществу, но в парламентаризме они обретают форму публичности, тем самым отражая интеллектуально-нравственный уровень парламентариев. Парламентаризм в проекции цели может рассматриваться как инструмент достижения обществом благой жизни. Идея блага неотделима от естественных прав, которые по-разному определялись в различных концепциях. От права на жизнь у Гоббса до права на свободу у Канта. Цель жизни общества постепенно осознается как внутренне имманентно присущая истории человечества. По нашему убеждению, парламентское правление способно сформулировать общую цель политики как общее благо народа. Даже если парламентаризм отсутствует как принцип формы правления, то при наличии парламента возможен поиск и реализация политического блага. Парламент гарантирует естественные права граждан и поддерживает обеспечение прав индивидуальной морали. Парламент является определенной репрезентацией политической идеологии общества, отражающейся в составе партийных фракций. Идеи свободы, мира, справедливости приобретают определенную конфигурацию. Манифестация как апологетики, так и невежества не являются доминантными формами интерпретации парламентаризма в современной практике, что демонстрируют практики избирательных кампаний. Неоднозначность их интерпретаций коренится в противоречивой природе парламентаризма.

Таким образом, парламентаризм, исходя из его происхождения, распадается на два типа, каждый из которых содержит в себе свои имманентные цели. Парламентаризм представляет собой сложное и противоречивое институциональное и духовное образование, имеющее в своей основе реальную деятельность по взаимодействию общества и государства. Дискуссионность и публичность являются принципами парламентаризма, но в их основе лежит борьба за истинную репрезентацию политической реальности.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
2. Волков В. А. В поисках свободы: очерки истории политической философии. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2011.

3. Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. С. 137–405.
4. Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Политиздат 1955.
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
6. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // Социологическое обозрение. 2009. № 2. Т. 8. С. 6–16.
7. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

References

1. Ankersmit F. R. *Political representation* [Politicheskaya reprezentatsiya]. M. : Publishing house of Higher School of Economics [Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki], 2012. 288 p. (rus)
2. Volkov V. A. *In search of freedom: sketches of history of political philosophy* [V poiskakh svobody: ocherki istorii politicheskoi filosofii]. SPb. : SZAGS publishing house, 2011. 256 p. (rus)
3. Locke J. *Two Treatises of Government. Compositions* [Dva traktata o pravlenii. Sochineniya]: In 3 v. V. 3. M. : Thought [Mysl'], 1988. P. 137–405. (rus)
4. Montesquieu Ch. *Chosen works* [Izbrannye proizvedeniya]. M. : Politizdat, 1955. 799 p. (rus)
5. Habermas J. *Democracy. Reason. Morality* [Demokratiya. Razum. Nravstvennost']. M., 1995. 210 p. (rus)
6. Schmitt K. *Spiritual and historical condition of modern parliamentarism* [Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentarizma] // Sociological review [Sotsiologicheskoe obozrenie]. 2009. N 2. V. 8. P. 6–16. (rus)
7. Schumpeter J. *Capitalism, socialism and democracy* [Kapitalizm, sotsializm i demokratiya]. M., 1995. 540 p. (rus)